

ВТОРАЯ КНИГА

Влад Ревзин

ПОСЛЕДНИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР
МОРЕЛЯ

Коллект- триллер

Влад Ревзин

**Последний бестселлер Мореля.
Коллект-триллер. Вторая книга**

«Издательские решения»

Ревзин В. Е.

Последний бестселлер Мореля. Коллект-триллер. Вторая книга /
В. Е. Ревзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503079-5

Во второй книге серии снова появляются две дамы со странным влечением к разгадыванию криминальных загадок и риску собственными шкурами без шансов на профит. Здесь опять все начинается в Одессе, а потом действие с шумом и нарушениями общественного порядка вламывается в Марсель. В водоворот расследования втягивается скандальный репортер, парочка комиссаров французской полиции, члены местной организованной преступности, психиатр Триггер истории — бамбуковая палочка, упомянутая в первой книге серии.

ISBN 978-5-00-503079-5

© Ревзин В. Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Последний бестселлер Мореля Коллект-триллер. Вторая книга

Влад Евгеньевич Ревзин

© Влад Евгеньевич Ревзин, 2019

ISBN 978-5-0050-3079-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-2514-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перевод с французского Франсуа Бассомпьер

«Тяжело дать оценку этой книге. После прочтения возникает ощущение, что тебя надули, – обещали рататуй, и приготовили его, но из сырого мяса» Сюзанна Бонасье, «Revue Littéraire».

«Верните мне четыре с половиной часа жизни! Потратил на это вздорное чтиво весь вечер, забыл про субботнюю партию в белот с друзьями, которую не пропускал вот уже 34 года, и вместо одиннадцати вечера лег в час ночи, полностью нарушив ночной сон. И кому нужна такая литература?» Профессор литературных курсов Сорбонны Жермен Ла Порт.

«Великолепная богатая коллекция характеров... впечатляющее описание разнообразных цветливых французиков» British Telegraph

«Если автор пребывает в уверенности, что это, – криминальная новелла, пусть почитает Чандлера, Хеммета и Гарднера. Современных „писателей“ криминального жанра пусть не читает, они пишут не лучше его самого». Автор бестселлеров, победитель Crime Story Awards Майкл Шотган

«Неплохое чтиво для тех, кто еще не совсем разучился читать» Berliner Wahrheit

«Так и не поняла до конца, кто кого и кому почему. И, главное: зачем? Читайте мои шедевры, там все понятно даже ежу». Данья Дарцова, лидер продаж сковородок с тефалевым покрытием и сборников «1001 способ приготовления котлет для ленивых», прилагаемых к сковородам.

«Изящная вязь повествования, тонкая ирония, нежно вплетенная в многоцветную ткань событий, история, продвигаемая самобытными объемными персонажами в декорациях волшебной постановки» Жора Санду, рубщик мяса на Привозе, Одесса

Предисловие

Во второй книге серии снова появляются две дамы со странным влечением к разгадыванию криминальных загадок и риску собственными шкурами без малейших шансов на профит.

Здесь опять все начинается в Одессе, а потом действие с шумом и нарушениями общественного порядка вламывается в Марсель. В водоворот расследования втягивается скандальный репортер, парочка комиссаров французской полиции, члены местной организованной преступности, психиатр и Бог знает кто еще.

Триггером истории становится бамбуковая палочка, упомянутая в первой книге серии, занимающая почетное место среди антикварных раритетов из коллекции почившего в бозе папы мужа, так же почившего на страницах первой истории, г-на Донченко-старшего.

Началось с палочки, а закончится изъятием старинной кирасы из багажа некоего проезжего через молдавско-румынскую страницу.

Кто не читал первую книгу «Человек с золотым экю», можете и не читать, но почему бы и не прочесть?

За полученные при чтении книги эмоции автор ответственности не несет.

В написании рукописи мне никто не помогал. Список тех, кто мне мешал, автор приводить не будет, так это заняло бы слишком много места.

«Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (1 Ин.3:4)

«...Место преступления: дом №3 по улице Альби, Марсель.

Время преступления: заключение медэкспертизы: между 19.00 и 23.00, 23.09. 202... года.

Первая жертва: мадам Опри, 43 года, служанка. Место тела- прихожая дома. Нанесён удар в висок, затем ножом с широким лезвием от уха до уха разрезано горло.

Вторая жертва: мадам Морель, 26 лет, супруга хозяина. Тело находится на пороге двери, ведущей из прихожей в гостиную. Удар в висок, аналогичное, как и в предыдущем случае, смертельное ранение.

Третья жертва: Господин Морель, хозяин дома, 62 года. Тело лежит на ковре, слегка повернутое набок, в кабинете второго этажа, в полуметре от бюро. На теле несколько ран, нанесённых острым лезвием. Раны не смертельны и, вероятно, являются следствием пытки. На руках следы ремня или верёвки. На запястьях обнаружены защитные травмы: кровоподтеки, оставленные при выворачивании рук жертвы, стремившейся освободиться от захвата. Смерть наступила в результате укола в предплечье, предположительно, смесью хлорида калия и павулона.

Крутящееся кресло около бюро перевернуто, часть бумаг находится на полу, остальные в беспорядке разбросаны по столешнице.

Отсутствует персональный компьютер Мореля, неттоп Intel, шнуры подключения находятся под бюро.

В остальном признаков беспорядка в кабинете и других комнат не наблюдается. В кабинете имеется шкаф- кабинет с неразбиваемыми створками. Створки заперты кодовым замком. Петли обеих створок срезаны, дверца снята и поставлена у стены.

В шкафу находится коллекция старых наручных часов (28 штук), набор масштабных моделей такси, револьвер Rast&Gasser M1898. Пока не удалось установить, было ли взято что-нибудь ещё.

Предположительно: преступник позвонил в дверной звонок, под неким предлогом заставил служанку открыть дверь, ударом в висок привёл ее в бессознательное состояние. Предположительно: на шум из гостиной выбежала хозяйка дома, ей был нанесён аналогичный удар, после чего с обеими женщинами было покончено.

Не исключено, преступников было двое»

Выдержка из доклада следственной группы, основанного на экспертных протоколах осмотра места преступления и первичных выводов патологоанатома.

25.10.202...

«По версии следствия убийце требовалась информация, для чего он применил воздействие пыткой. Вызывает вопросы факт, что хозяина дома умертвили инъекцией, а не ножом, как в двух предыдущих случаях.

Полиция делает все возможное, чтобы найти убийцу или убийц. Расследование поручено инспектору Марсельской префектуры Жюлю Коннарду».

Из выступления главы префектуры Марселя С. Даню по региональному телевидению.

27.10.202..

«... Безвременно ушедший от нас Арман Морель почти четыре десятилетия создавал информационные поводы, сотрясавшие общество. Журналист, блестящий писатель, сценарист. В качестве журналиста-фрилансера сотрудничал с известными периодическими изданиями. Репортерский опыт Морель использовал в написании романов, которые, являясь по жанру остросюжетными триллерами, затрагивали темы коррупции во власти, международного терроризма, политических убийств, деятельность оккультных организаций. Автор 21 книги, многие из которых разошлись многотысячными тиражами. Две из них, «Невиновный» и «Смерть по объявлению», экранизированы. В прошлом году по серии книг о полицейском Ружере снят сериал.

Написанные мастером репортажи из разных стран мира явились важным источником вдохновения для литературных произведений автора. Именно в этот период Морель получил две главные награды в мире журналистики: премию Рейтер и премию World Press.

В 2009 за роман «Смерть по объявлению» Морелю присуждена литературная премия RTL, вручаемая по результатам выбора читателей.

В последующие годы писатель создал ещё два ярких романа, написал сценарии к трём фильмам, в том числе к блокбастеру «Невинный». Как автор текстов участвовал в создании серии комиксов «Илай».

Широко известна преподавательская деятельность писателя, особенно заметен курс литературного мастерства, который господин Морель в течение долгих лет читал в Сорбонне...»

«Франс-суар» 27.10.202..

«...Его вклад в французскую журналистику и литературу неоценим. Три поколения французов зачитываются его историями.

Однако в последнее время писатель молчал. В столичной прессе появились спекуляции, что Морель исписался. Последние две работы, «Всего за два дня» и «Последнее дело Рожера» трёхгодичной давности выхода, оказались бледной тенью лучших произведений писателя.

<...>

Ужасное событие на улице Альби всколыхнуло страну. Франция скорбит по своему знаменитому сыну...»

«Вест-Франс», 28.10.202...

Часть I

*«Все делайте без ропота и сомнения»
(К Филиппийцам 2:14)*

Глава 1

Розовые и желтые пятна света на потолке гоняются друг за другом. Утреннее солнце играет на поверхности пруда в парке, запуская световые зайчики сквозь французские окна. Шуршит листва под метлой. Дворник сгребает визитки зимы с увядшего газона.

Поселок «Pine villas» пахнет поздней осенью. От реки тянет свежестью и неуловимой тревогой перемен. Ночью приходит холод, предвещающий скорую зиму.

Сейчас городок, отделённый от внешнего мира оградой и охраной, сонно посапывает в ожидании хозяев, занятых делами в городе.

В кабинете звучит негромкий джаз. Музыка успокаивает душу. На столе, – кипа документов, извлечённых из большого сейфа. Сейф тут же, в кабинете, искусно встроен в книжные полки.

В пачке бумаг, – уставные документы на предприятия Донченко-старшего, бумаги, удостоверяющие права владения недвижимостью; сертификаты, в том числе и на многие предметы, лежащие внизу, в коллекционном зале.

Сейф для неё открыл Игорь, он хранит ключи со времён смерти хозяина.

Бумаги на столе, – дубликаты документов, тщательно исследованные в конторе юриста Гальперина, при получении наследства.

В одной из папок есть и листок, имеющий прямое отношение к странному предмету из коллекции, заинтересовавшему Светлану в первый день появления. Бамбуковая тросточка, будто бы и в самом деле принадлежавшая самому Чарли Чаплину.

В листке всего несколько слов- ни цены, ни имени продавца, ни источника приобретения. Такая себе грамота с печатями, – мол, это в самом деле оригинальный раритет.

Светлана Евгеньевна Донченко всегда тяготела к рациональным, простым решениям. Чем проще быт и короче путь к цели, тем свободнее мозг. Приоритеты, – это работа, отношения с людьми, интеллектуальная деятельность, а совсем не усилия, направленные на повышение уровня жизни и комфорта.

Нет, она не спартаец, разве в обществе консумативного культа это возможно?

Но демонстрационное потребление, страсть к приобретению престижной одежды, драгоценностей и элитной еды в дорогих магазинах не ее жизненное кредо. Собственно, и раньше денег, заработанные на существование, хватало для поддержания приличной жизни, поездок в Европу и скромные хобби. Грех было жаловаться, дай Бог всякому...

Неожиданно свалившееся на женщину богатство поначалу оглушило, как удар деревянным молотком для укладки мощенки.

Отец ее мужа Виктора скончался, оставив нелюбимому сыну деньги и длинный список недвижимости. Виктора, пробывшего в качестве богача меньше двух суток, убили в Лондоне, по причине вспыльчивости и общей гнусности нутра. Как говорят британцы, – характер это судьба.

За полгода Света пришла в себя, и от смерти нелюбимого мужа, и от неожиданности, связанной с наследством. Быстро осознав, что большие деньги не так плохи, как показалось с испугу, она постепенно заняла себя работой. Сейчас Светлана занималась организацией международной лингвистической школы для одаренных детей из бедных семей. Филиалы школы,

MLS, ждали открытия в Киеве, Одессе, Харькове, Днепре, Варшаве и Праге. Будучи преподавателем иностранных языков, полиглотом, Донченко разработала концепцию мультлингвистического обучения, по своему собственному методу.

Кроме лингвистики Светлана спонсировала конкурсы украинской песни и литературные олимпиады. Она вложила значительную сумму в покупку контрольного пакета интернет-издательства «Прометей».

Разумеется, не все бывшие бизнес-партнёры Пётра Григорьевича Донченко, отца мужа, выразили согласие с новой метлой. Как ответчик, Светлана в настоящее время принимала участие в двух судах, ещё по двум спорам было достигнуто внесудебное соглашение.

Электронная, точно как и бумажная почта переполняли почтовые ящики. Требования прибыть на отчетное собрание, приглашения на деловые встречи, просьбы выслушать, жалобы и мольбы...

Юридической стороной дел занимался адвокат. Это было удобно, так как именно он вёл все дела прежнего хозяина и знал все светлые и тёмные стороны покинутого капитаном корабля.

Работы было много.

Две консервные фабрики находились в стадии продажи. Строительная фирма уже была продана. Один из совладельцев фирмы, потерявший большую часть своих доходов в результате манипуляций ловкого Гальперина, пообещал утопить Светлану Евгеньевну в Днепре своими персональными руками. Ещё один партнёр, некто Юрий Бойко, около трёх месяцев искал встречи с новой хозяйкой консервного завода, для разговора по душам.

Но Светлана все связи Донченко-старшего замкнула на Алике, – Александре Гальперине. Ей было не до того.

Дом с претенциозным именем «Верона» жил своей жизнью. С тех пор, как эти стены покинул хозяин, Донченко-старший, здесь мало что изменилось.

Точно так же в гараже возился Игорь. Игорь Лазарев. Он постепенно стал для новой хозяйки своего рода ангелом-хранителем. Защитником, советчиком, тренером. Игорь владел отличной памятью и немалым опытом, -на своём уровне, конечно.

Точно так же, всегда с мрачным лицом, вела хозяйство Люда. Людмила Бортко. Общего языка Светлана и экономка так и не нашли, хоть Светлана долго пыталась подружиться с мрачной Людмилой. Потом бросила эти попытки и оставила все, как есть. Оба помощника образовали надежную стену, закрывавшую ее от теней прошлого Донченко-старшего.

Тем не менее, один персонаж, из бывших, сумел пробиться сквозь броню.

Однажды в городе, в книжном магазине, она столкнулась с незнакомцем. Правда, он тут же представился.

– Добрый день, Светлана Евгеньевна, – сказал он, торопясь. – Моя фамилия Фоменко. Алексей. Мы должны поговорить, обязательно. На мои письма вы не отвечаете...

Рука Игоря легла на плечо мужчины.

– Он вам мешает?

Она ответила торопливо, и будто извиняясь:

– Нет, нет, пусть скажет, что хочет. Давайте-ка отойдём к окну, чтобы никому не мешать.

Окно, заклеенное рекламой, зажали два высоких шкафа с учебниками. Здесь было почти уютно, пахло типографской краской и мышами.

Игорь удалился к стеллажам со спортивной литературой, но стал так, чтобы следить за беседой. Свете пришло в голову, что незаметным образом за эти несколько месяцев Игорь, из просто шофёра, стал ее тенью. Могла ли она представить себе, что у неё будет охранник? И зачем?

Алексей Фоменко ничего интересного не представлял, – рыхлый, средних лет мужчина, одышливый и сутулый.

– Что же вам нужно?

– Видите ли...

Спортивные упражнения явно не были его любимыми занятиями. Неряшливый вид, и пахло от него неприятно. Да еще водянистые глазки.

– У нас есть одна проблемка...

– У нас? У нас с вами, вы хотите сказать?

Дорогая куртка Columbia и кейс коричневой кожи в левой руке не меняли впечатление, что господин Фоменко никогда в своей жизни не играл роли героя-любownika.

К тому же он все время потел.

– Я занимаюсь антиквариатом, – наконец сообщил этот тип. – Мой фонд «Добрые дела» долгие годы сотрудничал с уважаемым Петром Григорьевичем.

– Петр Григорьевич был вашим клиентом? – спросила Светлана.

– Совершенно верно, – ответил Фоменко, ковыряя мизинцем обложку учебника по физике. – Много лет. Всегда был мной доволен. Последний заказ у меня.

Светлана сделала шаг назад и оглядела странного человека. Толстые круглые очки низко сидят на носу картошкой, мешковатые брюки накрыли штанинами нечищенные ботинки.

– Чего же вы от меня хотите?

– Был выплачен задаток. У меня товар. Надо заплатить.

Светлана беспомощно ткнула себя указательным пальцем в грудь:

– Я должна дать деньги?

– Определённо. Известно, вы наследница. Приобретение предмета заняло много времени, больше года, но господина Донченко сроки получения экспонатов для его коллекции обычно не беспокоили. Я держал его в курсе. А сейчас поставщик требует от меня деньги. 25 тысяч.

Висящие щёчки едока, которого за уши не оттащишь от стола с вкусной едой, всплеснулись, словно волны в жирном супе.

– Покажите документы, договор, платежки. У вас что-то есть?

Светлана никогда особо не доверяла мужикам с влажными ладонями.

– Нет.

– Вы сумасшедший?

Фоменко опустил глаза. Его лоб залила очередная приливная волна.

– Нет.

– А почему тогда не 50 тысяч? Или сто?

Он выдохнул несвежим ветерком, словно тухлая рыбёшка вынырнула из запущенного пруда.

– Мне нет нужды вас обманывать. Я и так в глупом положении. Я звонил вам неоднократно, ещё до прибытия посылки.

– И что это за предмет?

– Шпага.

Светлана закашлялась. Смешок попал не в то горло.

– Шпага? А зачем мне шпага?

– Начало девятнадцатого века, Англия, оригинал. Состояние хорошее. Знаете, я футляр не открывал, у меня таких прав нет.

– Господин Фоменко, я шпаги не собираю. Отошлите обратно, сообщите – коллекционер скончался.

– Это невозможно, – упрямо ответил обвислый человек. – Это дорога с односторонним движением. Заказ- задаток- получение- оплата- перевод денег. Я не знаю тех, кто отгружает товар.

Светлана пожала плечами:

– Но должен же быть адрес, отгрузочный документы, наконец!

Человечек мазнул рукой по губам и вытер пальцы об куртку. Он продолжал потеть.

– Большая часть коллекции Пётра Григорьевича прибывала по... неофициальным каналам. С оказией. Я- посредник, вслепую...

– Но...

Тут она замолчала.

Игорь увидел издалека, что хозяйка закрутила локон у виска. Значит, задумала нечто...

– Так что мне делать? У господина Донченко есть мои реквизиты...

– Знаете что, – решила она.– Привезите вашу шпагу завтра утром ко мне. Знаете куда?

– Как же! – повеселел Фоменко.– Много раз бывал. Спасибо, что поняли мое положение.

Он ушел, шаркая подошвами. Светлана сделала знак Игорю. Она уже забыла, для чего зашла в магазин.

На обратном пути Светлана Донченко пыталась сложить цифру два и килограмм, чтобы получить расстояние.

Эта коллекция, размышляла она, – ясно с самого начала, что с ней связаны какие-то махинации. Как это возможно, – ни документов, ни фамилий? Ворованное это все, что ли?

Светлана сложила бумаги обратно в сейф, потянулась, разминая затекшую спину, и прищурилась на луч солнца, выстреливший в окно. Ей захотелось чаю, но воспоминания о той встрече опять отвлекли ее, она плюхнулась на кожаный диванчик у стеллажа с энциклопедиями и прикрыла глаза.

В тот день вечером, после встречи...

Вечером, после встречи с потным маклером, она по Интернету проконсультировалась у адвоката Гальперина, как поступить со странной посылкой.

– Я знаю этого типа, – сказал адвокат.– До сих пор не было проблем. Его услуги, как я понимаю, вполне удовлетворяли Петра.

Так для удобства теперь они вспоминали в разговоре усопшего.

– Не вы занимались покупкой экспонатов для этого идиотского музея?

– Нет, Светлана. Что касалось коллекции, все было покрыто тайной. Петр сам общался себе подобными, связывался с аукционами, поставщиками, делал заказы, получал предметы. Один и распаковывал. Пылинки, наверное, сдувал.

– Ты считаешь, что надо заплатить? Без документов?

– Фоменко, безусловно, жулик. Можете послать его куда подальше. Но я не думаю, что он завьщает цену на своём конце. В Украине не так много коллекционеров достаточно крупного масштаба. Есть немалый шанс, что или продавец, или вы выйдете друг на друга. Тогда Фоменко не сдобровать. Так что этот шампур стоит того, что за него требуют.

– Получается, я должна раскошелиться на эту рухлядь?

– А вот это, Светлана, – хохотнул Гальперин невежливо, – решать вам. У меня вот есть куда потратить лишние двадцать пять штук.

Остаток вечера она провела за компьютером.

Компьютер принадлежал бывшему хозяину дома, странному коллекционеру и любителю старины.

Среди сотен цифр она наконец нашла нужную. Это была запись: «Фоменко 7000 задаток за шпагу адмирал Нельсон. Сумма по получении-25 тысяч».

Фоменко оказался человеком честным, в своём понимании, конечно. Придётся раскошелиться...

Посылка оказалась немаленькая, – около полутора метров длиной. Внутри, – мягкая бархатная подложка. Шпага заботливо завёрнута в упаковочную пленку с пупырышками.

Необычный предмет. Пистолет с кремниевым замком, соединенный с шпажным клинком длиной сантиметров семьдесят. Два в одном. Фактически пистолет- двустволка, к которому

приделано лезвие. На дальние расстояния стреляешь, в рукопашном бою колешь. На замке гравировка.

– Красивая вещь, -признала Светлана. -Почему вы её раньше не привезли?

– Я привозил. На охране мне сказали, что вас нет! Потом я был ещё раз. То же самое!

Развернули меня, и все!

– Да, -согласилась Света. -Уезжала в Одессу. Ну хорошо. Я согласна, вот ваши деньги.

Тут же, при нем, она перевела нужную сумму на его счёт.

– А вы не интересуетесь? – весело спросил Фоменко. – Среди предложений попадаются удивительные вещи! Вот недавно предлагался мундштук Одри Хепбёрн. Дорогая штучка, но какая история! Или, скажем, сумочка Лорен Бэколл...

– Которая может оказаться сумочкой Ларисы Долиной. Она почти такая же старая.

– Ну что вы! На такие вещи выдаются экспертные сертификаты!

– Вы, как я помню, вчера упомянули, что ваши каналы нелегальны...

– Каналы поставки в страну – да. Но сами предметы абсолютно соответствуют истории происхождения.

– Ну, а вот это?

Она указала на шпагу.

– Сертификат подлинности господин Донченко получил через месяц после заказа. Проверьте.

Она помолчала, не зная, как лучше приступить к делу. Фоменко топтался у стеллажа с гусарской формой, восхищенно рассматривал позументы.

– Г-н Фоменко, -осторожно начало Светлана. -Хочу посоветоваться.

– Всегда к услугам!

– Вся эта коллекция, -это не для меня.

– Пожалуйста, зовите меня Алексей, – Фоменко скромно опустил глазки, попутно оглядев Светины ноги.

– Хорошо... Алексей, -согласилась Светлана. -Идите пожалуйста сюда, -покажу вам кое что.

Они прошли по залу, разглядывая стеллажи с раритетами.

– Вы когда-нибудь видели всю коллекцию?

– Не приходилось...

– Вот, поглядите, сколько здесь никчёмного барахла!

– Это далеко не барахло, госпожа Донченко. Сюда вложены такие деньжищи!

– Все эти, ммм, экспонаты приобретены при вашем посредничестве?

– Ну, что вы! Здесь их сотни. Сотни ценных вещей.

Он восхищенно развёл руками:

– Я доставил сюда, может быть, десятка три, если не меньше. Вот эта табакерка. И этот поднос. И...

Несмотря на то, что Светлана специально подвела его к месту, где были разложены трости, палец Фоменко так и не указал на нужный край витрины.

– Я хочу продать часть вещей, – твердо объявила хозяйка.

– Это невозможно, – испугался маклер.

Он тут же покрылся липкой пленкой.

Она содрогнулась, представив его тело без одежды, в поту. Бррр...

– Ну почему? – Она постаралась взглянуть в его глазки как можно ласковей.– Вы мне можете.

– В Украине очень узкий рынок подобных ценностей. Даже если удастся продать что-нибудь, цена будет настолько низкой...

– А в Европе?

Фоменко судорожно вздохнул.

Бойтся, явно бойтся. Чтобы этот делец отказался от комиссионных?

– Вам нужны деньги? – спросил Фоменко, в забыты очесывая зад.

– Мне не нужен этот мусор.

Его вздохи стали надоедать. Если бы этот жук зарабатывал на каждом, он сейчас бы ездил на Феррари.

– Хорошо... я наведу справки. Что в первую очередь?

– Все эти мундиры, украшения, значки с орденами... Да. У меня есть покупатель на одну вещицу. Вот эту.

Света указала на бамбуковую тросточку.

Фоменко уже не вздыхал, – он судорожно глотал воздух.

– Мне предложили ее купить. Она не прошла через ваши руки?

– Нет!

– Ладно... сколько мне запросить?

– По внешнему виду... она вряд ли может стоить...

Он остановился и вытер лоб. Он глотал и потел, потел и взглатывал.

– Погодите! Я, кажется, знаю, что это за вещица! Это...

Она кивнула головой:

– Ну?! Это... что это?

Фоменко слегка закатил глаза.

– Мне показалось. Дайте мне сроку до завтра, у меня есть клиент... он собирает трости.

Должен дать хорошую цену.

– Так мне отказать покупателю?

– Да, непременно. Вас обязательно обманут. Кто это, если не секрет?

– У знакомой муж, швейцарец. Любит старину.

– Обязательно обманет! Эти швейцарцы...

Светлана не выдержала и хихикнула:

– Не похоже. Он как увидел эту штучку, выпучил глаза. Минут пять что-то лопотал по-немецки. Только потом перешёл на русский. Ему, видите ли, надо сделать подарок директору театра в его городке. Хороший аксессуар для представлений.

– Мой клиент даст вам больше, уверяю! Потерпите до завтра, ладно?

Неплохо иногда представиться богатой душой. Смотри, как его переколбасило, как бы кондрашка нехватила.

– Ладно. Но с одним условием. Я передам трость лично в руки покупателю. Интересно, – коллекционер тростей. Не бойтесь, свой процент вы получите.

Этот болван опять взопрел.

– Но он не в Киеве...

– А вы скажете мне, куда отвезти. Я много езжу, могу и крюк сделать...

– Господи, но зачем же вам! Я сам...

Светлане окончательно надоел этот гипергидроз. У него не поры, капельное орошение.

Да пошёл он ко всем чертям...

Порешили созвониться утром.

Однако Фоменко отзвонился вечером того же дня.

– Сто долларов. Хорошая цена.

– Не смешите. Швейцарец даст больше.

– Ну, хорошо. Покупатель хочет расширить коллекцию, за ценой не постоит. Думаю, уговорю его... на пятьсот.

Смотри-ка. Палочка из бамбука, и уже полтысячи. Покрутить ему нервишки, до тысячи?

Ладно, пусть живет...

– Это похоже на цену. Я-то, как вы понимаете, ничего в этом не смыслю. Но простая палочка у Петра Григорьевича так бы не валялась. Где находится ваш клиент?

– Ну, зачем он вам? Это моя обязанность, чтобы вам было удобно...

– Нет встречи, нет сделки!

– Я... – Фоменко пытался говорить спокойно.– Я... уговорю его на тысячу. За эту ветку бамбука.

Напотел, наверное, целую лужу.

– Тысяча! Вот это сделка! Нет.

– Черт побери! – вырвалось у маклера.

– Простите?

– Извините, у меня тут... кофе пролился. Госпожа Донченко, я перезвоню.

Он больше не появился.

А через два дня в дом проникли воры, разбили стеллаж, унесли тросточку и ещё пару других вещей, – крашеную кирасу первой половины 19 го века, и один из первых револьверов Кольта. На табличке было указано- Colt Paterson 1840 год. Таблички были не везде, только на некоторых экспонатах.

Кирасу было особенно жалко, – она была нарядной, как панцирь майского жука, с красным ободком и заклепками.

Время грабежа было выбрано идеально, – Светлана с Игорем были в городе, Люда на своём электрокаре отправилась на закупку продуктов в ближайший супермаркет.

Патруль охраны прибыл через минуты, но этого вора хватало, чтобы влезть сквозь разбитое окно галереи, найти зал с коллекцией, выбрать нужный стеллаж, разбить ещё одно стекло, и забрать добычу.

Короткое расследование с участием полиции показало, что на территорию часом ранее въехал потасканный автомобиль Жигули с двумя рабочими в комбинезонах. Пятью минутами раньше охрана получила звонок из дома номер 17 «Сан-Марино», с просьбой пропустить автомобиль с такими-то номерами и двумя сантехниками на борту.

Жигули, брошенный недалёко от крайнего тупика, нашли. Его рано утром угнали от хозяйской хрущёвки.

Охранник зафиксировал на мониторе, как двое в рабочей спецодежде стремительно ретируются к внешнему забору, бросают на колючую проволоку длинную узкую лесенку и перебираются в сосновник. В тот момент, когда наряд вскрывает входную дверь, их подобрала такая же неряшливая машина. Момент проникновения не был зафиксирован, – грабители выбрали дальнейшее окно, в мертвой зоне видеонаблюдения.

Разразился скандал. Положение усугублялось тем, что это была обычная практика. Хозяин или хозяйка звонили «на охрану», называли дом и номер въезжающей машины. Управляющий посёлком пообещал изменить ситуацию. Жители неделю спали с включённой сигнализацией и карманной артиллерией, согреваемой под подушкой. Потом все вернулось на круги своя.

Алексей Фоменко на звонки не отвечал. Стекло застеклили, осколки подмели.

Сейчас Светлана сидела на кожаном диванчике в кабинете и в очередной раз чувствовала себя глупо, понимая, что тогда перехитрила сама себя. Но делать было нечего- восхитительная пугающая загадка растворилась за оградой городка, вместе с двумя фальшивыми сантехниками, оставив сувенир в виде раскладной лестницы.

Глава 2

Ирина Песецкая все-таки написала книгу.

Монотонный труд занял несколько месяцев, и писательство оказалось не столь восхитительным процессом, как казалось, гуляя по роцце и придумывая головокружительные повороты сюжета.

Она убивала и воскресала персонажей, плела сюжетные нити- да так, что приходилось возвращаться на несколько глав назад, чтобы их распутать. Иногда приходилось рубить сплеча, – выбрасывать десятки страниц и переписывать все заново. Персонажи вели себя из рук вон плохо, – не хотели двигаться туда, куда было задумано, своевольничали и путали ход событий.

Потом автора Песецкую замучили поправки.

Полировка, рихтовка и перекраска не сделают из Москвича Мерседес. Казалось, ещё чуть-чуть, вот здесь и здесь поменять- и текст заиграет красками жизни. Но не тут- то было. Появлялись и исчезали монстры типа «Ее обуял страх, который был непреодолимым, потому что тьма, накрывшая город, привела к рождению ненависти в его души и заставил...», ну и так далее.

Вместо книги получился бухгалтерский отчёт о событиях полугодичной давности, сдобренный неуместными сравнениями, громоздкими причастными оборотами и отсутствием логики событий.

Выбор названия сводил с ума, – сначала это был «Человек с монетой», потом- «Золотой экю», потом... вариантов набралось три десятка.

Песецкая жила рядом с Светланой Донченко на Сергеевской в посёлке Каберне. Они вместе пережили гипс и сломанные рёбра, смерть Виктора, мужа Светланы, всю историю с комиксами. К кому, как не к Светлане обращаться за помощью?

Ирина много лет мечтала написать книгу. История с мужем Светланы показалась достойной читателя, она терзала ее так и эдак, но результат оказался просто жалким.

Прочтя первые десять страниц, Светлана оценила размер катастрофы.

– Знаешь что, птичка моя, – успокоительно пропела она.– Все не так плохо. Я будто окунулась в те события. Тебе лишь нужно добавить немного пряностей в супчик. Я знаю, что делать.

Так на сцене появился Слава Довгий.

Слава Довгий не подходил ни под одну из категорий мужчин, с которыми до него приходилось иметь дело.

Он закончил Одесский университет. Он говорил по-французски, как француз, одно время работал тележурналистом местного канала. Он написал серию книжек об истории любимого города. Уехал во Францию, в Париж, где прослушал литературный курс. Несколько лет прожил во Франции, пытаясь сделать карьеру. Вернулся домой, долгое время не мог найти работу.

На улице столкнулся со Светланой Донченко, с которой они были однокурсниками по университету. Света предложила ему работу на языковых курсах, и с тех пор Довгий преподавал французский и украинский языки. Параллельно пытался заниматься литературной деятельностью, готовил фундаментальный труд об интереснейшем периоде порто-франко, и бегал марафоны. Довгий вел замкнутый образ жизни, походил на жёлчного эгоистичного человека, и оживлялся лишь при упоминании литературы.

Светлане, впрочем, он отказать не смог, так как считал себя обязанным, – полученной работой, помощью при покупке квартиры в старом городе, и вообще, – вниманием к его персоне.

При первой же встрече с Ирой Песецкой он заявил, высокомерно глядя сверху вниз на рыжеволосую красотку:

– Писательское дело, – тяжелый труд. И слепое. Мы похожи на любителя подлёдного лова, – долго готовим снасти, снаряжение, приманку. Забрасываем удочку и ждём. Что там происходит на другом конце лески, нам неизвестно, пока не клюнет.

И добавил угрюмо:

– А иногда так и сидим. Без клева.

Первая сессия прошла в пустом классе языковой школы, на нижнем этаже многоэтажки, нависающей над дендропарком. В парке гуляли мамы с детьми, орали мужики внутри проводочной сетки, пиная мяч и друг друга. Как стрижи, в разных направлениях летали по аллеям, посвистывая, счастливые велосипедисты. Начиналась осень.

А здесь нудный 43-летний неудачник скучным преподавательским голосом наставлял несмышлёную студентку:

– Это все никуда не годится. Графоманские каракули неудовлетворенной старшеклассницы пополам с безграмотным полицейским протоколом. Грамотность на уровне колена. Это же не Привоз, в самом деле! «Ты ж знаешь, как делать, чтобы не нарваться»!

– Это моя первая книжка, – несмело пискнула Песецкая.

– Читателю это знать не нужно! Если хотите продать помидоры, вы не станете объяснять: это я первый раз сажала, я ещё не знаю, как поливать, как подрезать, когда срывать. Покупайте и жрите, какие есть.

Рыжая авторша беззвучно ругала и Свету, и себя, и этого зануду. Какой из меня писатель, злилась она.

– Давайте возьмём предисловие. Какой-то румын просыпается с похмелья, его тошнит, он немывтый, вываливается во двор, заводит развалюху и по грязи прется на работу. Да уже на описании двора ваша книжка улетает в угол, чтобы больше никогда не открыться! Начинать надо по-другому. Нужна сверхзадача! Разведите философию- о случайности, совпадениях, превратности судьбы. И покороче! Заинтересуйте читателя- если он не простофиля, воспитанный на Донцовой или Спиллейне, начните хоть так: «Ничего нет случайного в странностях. Человек приходит на кладбище на похороны коллеги...»

Но постепенно дело пошло.

Ирина втянулась, и вспышки раздражения и всплески желчи становились реже и реже. Дело продвигалось, Слава получал свой гонорар консультанта-стилиста, из куска камня начали проступать контуры фигуры, – плечи, мышцы, разворот головы.

Иногда они работали в парке за дощатым столом, над головой щебетали птички, и желтый лист закладкой падал на клавиатуру. Несколько уроков прошло у Ирины. Но чаще всего в квартирке на Канатной.

Ни о каком флирте не могло быть и речи. Когда он садился за стол, любое промедление приравнивалось к предательству идеалов. Если Довгий однажды избрал роль учителя, он следовал высокому статусу всякую минуту. Он держал плетку и сек ею воздух, она- прыгала с тумбы на тумбу, трясая рыжей гривой.

Да и по правде сказать, его мужские достоинства не особенно привлекали Песецкую. В свете лампы поблескивала лысина, осанка как у верблюда, одевался он, как ветеран всех войн двадцатого столетия, – и был, конечно, невыносим до занудства.

Зато в переносе букв, слов и предложений в правильном порядке на монитор, его колесообразную голову отметили божественной рукой. Ирина описывала историю казенным языком хрущевских дворов. Под его пальцами затор лесосплава на реке волшебным образом превращался в стройное, плавное повествование.

В квартиру, на втором этаже старого здания, построенного ещё до Октябрьского переворота, вела лестница лет на тридцать моложе. Двор размером с большую комнату в сталинке,

облупившиеся стены, бельевые верёвки и запах кошачьей мочи. Металлическая лестница, частично закрывалась от дождя и снега кривым навесом.

Вся недвижимость состояла из продолговатой комнаты, малюсенькой кухни и туалета на две ступни (женщине, чтобы добраться до унитаза, надо было входить туда спиной).

В комнате отсутствовал телевизор, не было обеденного стола, не имелось ковра, не было полок. На стене криво висел блеклый пейзаж- то ли степь зимой, то ли зимний вид степи.

Иногда Довгий так увлекался, что правка очередной главы растягивалась на несколько часов, но авторша не сопротивлялась. Он жонглировал гиперболами, находил аллегорические сравнения, вносил щепотки юмора в пресное тело описания- немного, но вкус текста менялся кардинально, – так из супа выпускника кулинарного техникума шеф-повар готовит если не шедевр, то вкуснотень.

– Вы так любите литературу, – сказала она однажды, во время редкого перерыва. – А библиотеки у вас нет. Предпочитаете электронные?

– Я не читаю художественную литературу.

Она поджала губы.

– Я ее ненавижу. Все, что мне надо, я нахожу в Интернете. В редких случаях обращаюсь в специализированные библиотеки.

– А как же эта? Вроде бы беллетристика...

Он покосился в направлении указующего перста.

На ручке кресла действительно лежала книга в пестрой обложке, толщиной с доску для разделки буханки хлеба.

– Это подарок. От моего учителя, которого я уважаю и люблю.

– Он жив? Простите...

– Да, – сказал Слава, как показалось, с тенью несвойственной ему грусти. – Но он далеко. Тем не менее, регулярно общаемся.

Однажды, когда, извинившись, Слава вышел на кухню с телефоном, Ира не удержалась и взяла книгу в руки. Плотный том в бумажной обложке. Текст на французском. На обороте размашистым почерком чернильной ручкой автор написал несколько строк. И подпись.

Она положила книгу на место.

Работа спорилась.

Песецкая мечтала, как скоро выложит свою книгу в интернет и будет ждать... денег и признания. Несколько раз она предлагал, чтобы фамилия Долгий появилась на обложке, но Слава каждый раз отрицательно качал головой.

Правка книги перевалила за экватор, когда в жизни Славы произошло нечто.

Однажды он встретил ее в школе, и Песецкая поразилась, – это был другой человек. Довгий глядел ясным взглядом, сутулость почти исчезла, плечи расправлены.

– Дорогая Ирина!

«Дорогая Ирина»? Чего это с ним? Женится, что ли?

– Должен извиниться, но следующие два-три месяца мы не сможем заниматься так часто, как оно было.

Он даже говорил не по-писаному.

– Жаль...

– Не надо жалеть. Мы обязательно закончим вашу книжку. Мы из неё сделаем конфетку. И если читатели ещё не перевелись, ее будут покупать, как горячие пирожки с мясом на балу вегетарианцев!

В следующие две недели они встретились всего три раза. А потом...

А потом произошло ужасное...

Пожилая женщина сидела в легковой машине и от нечего делать разглядывала улицу и людей. Она ждала невестку, дуреха застряла в очереди в аптеке на углу.

Прошёл хозяин с собакой странной породы- кудлатая, с длинной мордой, как будто выпиленная из фанеры. Проехал молодой парень на мопеде, с ящиком сзади. Наверное, пиццу развозит.

Потом внимание сместилось на парочку, стоявшую недалёко от входа в продуктовый магазин. Эти двое самозабвенно ели мороженое- один в рожке, другой, повыше, – на палочке.

Первый, ростом совсем коротышка- с квадратным телом, прямоугольной головой, в поло-сатой рубашке под кожаной курткой, и брюках с карманами на ляжках. Он лизал мороженое, жмуря от удовольствия глаза. Сладкий сок капал на рубашку.

Высокий деловито обкусывал коричневый прямоугольник, держа мороженое на весу. У этого были чёрные усы скобкой, короткий плащ, распахнутый на груди, откуда выглядывал свитер с надписью «Одесса» с якорем и чайкой.

«Тарапунька и Штепсель» – грустно улыбнулась она. Давно это было.

Ее глаза переместились на витрину через улицу, со свадебными платьями на манекенах, и она почти сразу забыла о сладкоежках.

Пара продолжала поедать сладости.

Их звали: маленького Бенья Фрайман, высокого, – Пётро, или Петер Андрейчак. Вид на жительство Бени во Францию миновал пятую годовщину. Петер был французом во втором поколении.

Однако оба привыкли к другим именам.

– Ну и как тебе, Травма, этот красивый город? – облизывая губы, приговаривал Бенья.– Рай на земле.

Полная кличка длинного звучала на медицинский манер, что ему нравилось, – Травма-толог. Для друзей и подельников- Травма.

Коротышку коллеги звали Святоша, за пристрастие к цитатам из божественных книг. Отец Святоши был евреем, мать- украинкой. Дед по материнской линии, священник, в своё время настоял, чтобы мальчика отдали в духовную семинарию.

Даже для Одесской области это было чересчур.

– Що тут скажеш, приемне місто, – ответил Травма, обсасывая палочку.

– А как тебе жратва? Мечта! Даже моя мамочка так фаршированную рыбку не делает...

– Добра їжа. Дуже смачний борщ. Смачні пампушки.

Святоша с сожалением выцедил в рот остаток растаявшего мороженого и аккуратно положил стаканчик в урну у бордюра. Огляделся на прохожих, машины, троллейбус, стоящий на светофоре.

– Что ж, Богу помолясь, приступим. Кто понимает делать добро и не делает, тому грех.

– Повністю згоден.

Они перешли Канатную улицу по зебре, на зелёный свет. Оба никогда не нарушали законов без нужды. Зачем привлекать ненужное внимание?

У стальных ворот с намалеванной на них цифрой 57 Святоша остановился.

Травматолог тут же прикрыл его своим телом, делая вид, что остановился прикурить. Через несколько секунд примитивный цифровой замок ворот щёлкнул, и оба проскользнули внутрь.

Они неслышно поднялись по лестнице- Святоша впереди, Травматолог по пятам. Оба крутили головами по сторонам, переводя глаза на окно дома с другой стороны двора и ворота, оставшиеся сзади.

Замок в покрытой древним дерматином двери сдался без сопротивления.

Внутри пахло холостяцким жильем, – пылью, пригоревшей гречкой и старой краской.

Длинный уныло огляделся.

В маленькой квартирке было тихо, только снаружи гудела никогда не утихающая Канатная улица.

– Ну і скільки нам тут стирчати?

Святоша пожал плечами и с независимым видом сел на продавленный диван. Травматолог с укором посмотрел на него, и стал шнырять по комнате, словно таракан по ночной кухне.

Ждать пришлось долго.

Только через час двадцать восемь минут в замке заскрежетало.

Дверь отворилась, хозяин квартиры шагнул внутрь и обнаружил в своём собственном коридорчике, заставленном всякой рухлядью, коротышку с квадратным лицом.

– Не понял...

– Вы Владислав Долгий?

– Да, но...

– Без всяких «но», – сказал Святоша и хлестко ударил хозяина в висок быстрым боковым справа.

Слава Долгий с грохотом упал, загромоздив собою порог.

Он уже не видел, как из глубины комнаты появился длинный человек с ножом и не услышал, как коротышка сказал:

– Только не здесь, Травма, все порог будет в кровище. Надо его перетащить...

– Літак через годину. Треба поквапитися.

Глава 3

Светлана Донченко узнала о несчастье от Ирины.

Бедолага пролежал в своей квартире три дня, прежде чем двоюродная сестра Довгия не забила тревогу. Она же указала на Песецкую, как на постоянного гостя дома на Канатной.

Светлана преодолела путь от столицы до Одессы за рекордные пять часов десять минут. Весь путь она благодарила Бога, что на шоферском месте находился Игорь, а не кто-нибудь другой.

Ирина встретила ее с распухшими глазами.

– Мне его страшно жалко, – чуть позже, когда они сидели в гостиной на диване ее черноморского дома, утешала рыжую подругу Светлана. – Жалко, но что поделаешь.

– Это ужасно, – хлюпала носом подруга. – Свалиться с моста, это ещё куда ни шло. Попасть под поезд, или под колёса на перекрёстке, это я могу понять. Но чтобы ножом, горло, от уха до уха! Тихий, занудный, одинокий...

Светлана задумалась.

– Бросили там, на три дня... если бы не сестра, лежал бы до весны, никому не нужный.

– Коммунальщики бы раньше нашли, за неуплату, – механически отозвалась Света, чтобы сказать что-нибудь.

– Он был такой талантливый... в полиции сказали, что сначала тюкнули в висок. А потом еще живогоооо...

– Тебя допрашивали? – встрепенулась Света.

– Ну да! Привезли из участка на место, чтобы я указала, что пропало.

– Так. И что пропало?

– Компьютер. В письменном столе были какие-то папки, тоже взяли.

Ирина застонала.

– Ну, тихо, тихо. Славу не вернёшь, надо успокоиться, дыши глубже.

Песецкая засопела.

– Полиция не тебя ли подозревает?

– Ну, а как же! У них не много подозреваемых. Только я к нему шлялась... в смысле визиты наносила.

– И далеко вы продвинулись... в смысле книги?

Песецкая взвыла в голос.

– Слушай, кончай выть! Возьми себя в руки.

– Так ведь и моя книга пропала! То, что мы с ним правили! Там больше половины.

– Айяяяяй...

Рыжая тупо уставилась в завитки ковра на полу.

– Ой, нет. Он же отправлял мне на почту корректировку каждый раз после занятия.

Но все равно, его так жалко...

– Значит, пропали комп, папки и все.

– Нет, ещё книга. На французском, там ещё подпись, наверное, дарственная...

– Автора, автора! – закричала Светлана, как в театре после спектакля.

– Так ведь на французском. Букв много...

– Ну нельзя же быть такой...

Песецкая встрепенулась и вгляделась в лицо подруги.

– Какой? – всхлинула она, но глаза высохли. Мгновенно.

– Невнимательной. Это важно, понимаешь! Ну, хоть на какую букву начиналась фамилия? Или имя?

– Не помню я. Что-то из «Трёх мушкетеров»

- Тревиль? Людовик? Констанция?
- Это было мужское имя... ну да. Как звали кардинала? Жан де Плесси. Де Плюсси...
- Не-а, не то.
- Они обе полезли за телефонами.
- Ну, точно, Арман! Арман Жан дю Плесси...
- А имя автора случаем не Морель?
- Может быть...
- Надо спросить, кто настоящий убийца!
- У кого?
- У сил Тьмы. Карандаш и лист есть?

Светлана часто втихомолку посмеивалась, когда Ирина Песецкая всерьёз выполняла замысловатые ритуалы, положенные белой ведьме. Под эту веру подводилось фундамент из непрочных блоков, таких как астрология, народные приметы и нумерология. Ее дата рождения умножалась на шесть, суммировалась и потом делилась так, что образовывались магические цифры, позволявшие судить, что...

– Нет! У сил Тьмы сейчас спрашивать не будем. Потом поколдуешь, потом. Расслабься, вот тебе подушечка под голову. А вот плед тёпленький. Давай, залазь под него, с ножками, с ручками...

Песецкая затихла. Света взглянула в окно, на пронзительно синее небо над крышами.

С другого края дивана послышалось сопение. Белая ведьма с рыжими волосами спала.

Светлану обжег всплеск азарта, заставившего кровь бежать по жилам.

Убийство Славы ужасало, но странным образом составляло некое совпадение, предвещавшее загадку.

А Светлане, обычно уравновешенной и хладнокровной, до дрожи в руках не хватало расследования нелогических совпадений или логичных расхождений. Кто-то не может без риска, кто-то обожает делать ставки, кого-то увлекают любовные приключения, а некоторые так и сидят себя на диване с книжкой в руках, давая полет фантазии, - что было бы, если бы она встретила красавца капитана дальнего плавания, или он, – роковую голливудскую дуреху с длинными ногами.

Светлана с детства увлекалась разгадками картинок инспектора Варнике, ребусов и прочей уютной чепухи в толстых журналах, что пачками лежали в отцовской кладовке. Однако история о издательстве комиксов DarkPlaces продемонстрировала, что настоящая, криминальная история и книжный детектив различаются, как вкус сочной отбивной и шуршание купюры, за которую можно отбивную купить.

Но имеет ли она право?

Безусловно, все важно, – новый дом, новая школа, преподаватели, но эта рутина может подождать- тайна подождать не может! Только кража тросточки взволновало ее больше, чем все остальное, вместе взятое, что пришлось делать последние несколько месяцев...

Однако есть сын Олег, ответственность за десятки работников, студенты... имеет ли она право опять влезать в явно опасную, криминальную историю? Все бросить, как девчонка ради первой любви...

Она осторожно, чтобы не разбудить взбалмошную подругу, которая опять станет ныть, встала с дивана и на цыпочках поднялась в кабинет.

Включила компьютер, открыла новую страницу в Ворде и написала- « Литературные убийства».

И как же это?

Слава Долгий учился в Париже, где прослушал курс писательского мастерства. Надо узнать, кто читал этот курс. Этим кем-то может оказаться Арман Жан дю Плесси... так, ладно.

Арман Морель. Знаменитый писатель, сделавший себе имя на написании триллеров по результатам своих же расследований. В качестве журналиста-фрилансера. Ладно, это мы узнаем.

Слава возвращается домой. Я навязываю ему свою бедовую подружку, которая возмнила, что писать книги так же легко, как придуриваться, что ты общаешься с дьяволом. Довгий доволен приработком. Они доходят до середины книги. А потом, как заметила Песецкая, что-то происходит. Что-то в его серой жизни очень хорошее. Настолько, что он откладывает работу в школе, отказывает, пусть временно, своей подопечной в корректировке ее книги. Что же это? Пока не знаем...

Света сложила Ворд и нашла статью, которая попала ей на глаза несколько дней назад.

«...мадам Опри нанесён удар в висок, затем взрезано горло. Точно так же поступили с мадам Морель, молодой женой писателя. Удар в висок, затем разрез ножом.»

И дальше:

«Широко известна преподавательская деятельность погибшего, и особенно ценен курс литературного мастерства, который господин Морель в течение долгих лет читал в Сорбонне»

Слава Долгий зашёл в собственную квартиру, где получил сокрушительный удар в висок, а потом ему разрезали горло. Служанку и жену Мореля умертвили таким же образом. Рационально и жестоко. Если подтвердится личная связь Довгий-Морель, то сходный «модус операнди», то есть почерки одесского и марсельских убийств не будут выглядеть случайным совпадением.

Она сидела ещё долгое время, пытаясь сложить два обломка тарелки, чтобы они подошли друг к другу.

– Как дела?

На пороге стояла Песецкая, сонно хлопая глазами.

Света тряхнула головой. За окном сгустились синие и темно-синие краски. Фонарь под окном, ведущий ночную жизнь, уже проснулся, и был готов для дежурства до самого утра.

– Чаю хочешь? – спросила Света. – У меня пирожные в холодильнике. С кремом. Будем трескать пирожные.

Вечер прошёл тихо, подруги обсудили тысячу вещей, и Ирина ушла домой лишь к одиннадцати часам.

Света с Олегом решили пообедать в городе. Обоим нравилась черноморская рыба. А лучше всех рыбу готовили в «Параллели».

Они выбрали столик у окна, куда попадал свет из громадного окна. Светлана заказала жареную барабульку для себя и камбалу для сына.

Когда официант ушел, наступило неловкое молчание.

Как же Олег похож на отца! Тот же разрез глаз, те же губы. Нос, слава Господу, ее.

Чтобы сломать лёд, Света начала спрашивать Олега об учебе. Он отвечал односложно, ему было неинтересно говорить об этом.

– А что у тебя, – чтобы увести родительский интерес в обратную сторону, спросил Олег. – Ещё не собралась продавать эту гробницу Хеопса?

– Собралась было, но как-то стала привыкать. Кроме этого, я сейчас занята со школой, езжу по городам. Надо искать лучшие помещения, менять оборудование. Нужны хорошие преподаватели, а приезжают студенты, неграмотные в родном языке. Так что пока дом остаётся ничего не меняю... я и бываю там меньше половины своего времени.

– Как это – быть богатой? – неожиданно спросил Олег.

– Что тебе сказать... да ничего не изменилось. Вокруг крутятся какие-то личности, как мухи... как пчелы на сладкое. Ответственности побольше. Если ты имеешь в виду – приносит ли это комфорт, спокойствие и счастье, так нет. Даже наоборот...

– Бить баклуши не пробовала?

– Вот от этого, мальчик, депрессия и развивается.

– Ты уже отошла от той истории...

Он не стал упоминать ни о смерти отца, ни о ее переломах.

– По утрам чувствую себя побитой собачкой, – пожаловалась она. – Пока не разойдусь.

Когда сделаю зарядку, становится значительно легче. Собираешь себя в картинку, как пазл.

Они опять замолчали.

Принесли рыбу. Олег ее с аппетитом, а у Светланы вдруг пропало желание есть. Она крутила шарики из хлеба и забрасывала их в рот.

– Помнишь, как закончилась та история с комиксами?

– Ты рассказывала. Как в кино- всех плохих повязали, все тайны раскрыли, всех хороших спасли.

– Да, вроде того.

Она замялась, но решила продолжить:

– Тут опять одно приключение вырисовывается...

– Ой, лучше не надо!

– Ты думаешь?

– Если такое же стремное, как та дурка с издательством, не стоит. Слушай, мам, что тебя привлекает копаться в чужом белье? Тогда вот, – какой-то русский псих зарубил нашего психа топором, охранника траванули, папашу... ладно, проехали. Посмотри на себя- изящная, красивая, хорошо одетая дама- вдруг несётся за тридевять земель бить рожу жулику, сплошные наркоши, бандюки. Бравый старпер- коп. Не понимаю я тебя...

– Ты даже не хочешь узнать, с чем я столкнулась?

– Расскажи.

Она рассказала о убийстве Довгого, о Мореле, о сходстве двух смертей, о исчезновении компьютера и книги.

– Ты думаешь, что убивал один и тот же, – задумчиво сказал Олег. – Одесса и Марсель, где что... Жалкий неудачник и знаменитый писатель.

– Не надо его обзывать неудачником. Он отлично преподавал, и прекрасно писал. Просто не повезло, или характера не хватило...

– И опять я спрошу, – а тебе это зачем? Отомстить за подчинённого? Однокурсника?

– Какая там месть... а однако ж любопытно. Морель и Слава вполне вероятно знали друг друга. И обоим режут глотку сходным ритуалом.

– Не лезь в это дело, – сухо сказал Олег. – Какой-то детский сад. Дай слово не лезть в это дело.

Она была так поражена заботой, что немедленно дала слово.

– Да, наверное, ты прав. Старовата я бегать загадки разгадывать. А жаль...

Он еще больше растрогал ее.

– Без папашки, – сказал он тихо, глядя на скатерть, – я как-нибудь на свете проживу. А без тебя я останусь один. Помни это.

– Лучше иметь старые, подержанные бриллианты, чем не иметь никаких, как говаривал Марк Твен, – сказала Светлана, и Олег засмеялся.

Она незаметно вытерла глаза, сделав вид, что проверяет состояние левой брови.

Обед был закончен сливочно-шоколадным «Тирамису».

Светлана подвезла сына до дома, где он снимал квартиру. Она попыталась поцеловать его в щеку, но сынуля ловко уклонился.

– Хочешь загадок, – посоветовал Олег, стоя на тротуаре и глядя на мать сквозь боковое окно, – смотри британские сериалы. Лихо закручено и вполне безопасно, – в любую минуту можно выключить и пойти спать.

Два дня все было хорошо. Светлана занималась Одесской школой, пила чай с Песецкой и гуляла по берегу моря.

А вечером второго дня новостная лента «Le Figaro», на которую она была подписана, сообщила, что в французской прессе разразился скандал. Арман Морель жив, его видели в аэропорту Буэнос-Айреса, а днём позднее- в Новом Орлеане.

Глава 4

Инспектор Марсельской полиции Жюль Коннард сидел в автомобиле и ел печёное яблочко.

Машина стояла на 38 route de la Valentine, недалеко от армянской закусочной «O'bistro d'Armenie».

Его машина была припаркована в тесном ряду вдоль тротуара так плотно, что касалась бамперами передней и задней машины.

Улица была залита беспощадным солнечным светом. Тени от домов, машин и фонарных столбов казались вырезанными из чёрной бумаги. Несмотря на время года, крыша машины разогрелась, как будто на улице было начало сентября.

Инспектор ел второй завтрак. Он ел сладкое яблочко из маленького пластикового контейнера малюсенькой же вилочкой Zepfer, и поглядывал на закусочную.

Коннард было шестьдесят пять лет, он страдал воспалением поджелудочной железы, и поэтому ел шесть раз в день. Его жена, Ирена, заботливо готовила ему маленькие порции на каждый день, и инспектор поглощал их с завидной регулярностью.

Доев завтрак, Коннард вытер губы салфеткой, закрыл контейнер и сложил его в сумку-холодильник вместе с вилочкой. Потом вытащил из перчаточного отделения термос, налил себе травяного чаю и медленно запил ланч.

Улица была пуста. Машины не проезжали мимо уже четверть часа, не брели пешеходы по каменным тротуарам, и сама закусочная дремала в ожидании вечера. Этот квартал оживлялся лишь к заходу солнца. Появлялись завсегдатаи крошечных питейных заведений, вездесущие туристы, звучала музыка и включались огни.

Полицейский сладко потянулся, осел в кресле и прикрыл глаза.

А когда опять открыл их, увидел двух людей, которых он и ждал.

Один из них был длинный, с растрёпанными волосами на вытянутой на манер огурца голове. Другой, не выше плеча спутника, квадратный, в нелепых штанах с карманами на ляжках, шел враскорячку, как морской волк по пристани. Парочка производила комическое впечатление.

– Пат и Паташон, – пробормотал Коннард.

Двое остановились у входа в закусочную, один из них, коротышка, делал последние, яростные затяжки, чтобы сигарета не пропала зря. Потом он бросил окурочек под колесо ближайшей машины, и оба исчезли в «O'bistro d'Armenie».

Эти двое давно раздражали полицейскую душу инспектора.

– Ёнкулес, – грубо ругнулся он под нос. – Безмозглые громилы, как же вы меня достали...

Сначала бьют, потом думают.

Инспектор сталкивался с методами этой парочки, – видел последствия.

– Однажды вы подставитесь...

Однако это были слова. Коннард мог ворчать сколько угодно, но эта парочка- профессионалы и ошибок, за которые их можно притянуть к закону, не совершают. Эти двое Ukrainiens не зря получали деньги у своего босса.

Босса звали Sombre, то есть Темный, но на него в криминальной полиции Марселя не имелось почти ничего. Да и сама эта кличка выскочила почти случайно, когда пьяный домушник Биенренж начал бахвалиться в участке во время облавы, что лично знаком с Темным, и Травма выпустит всем фликам за него кишки.

Кишки выпустили ему, в камере, на следующую же ночь. Как и кому удался этот трюк, – зарезать арестованного в закрытой камере хорошо охраняемого блока предварительного заключения, выяснить так и не удалось. У мафии длинные руки...

Он дал им десять минут. Пусть закажут и выпьют по первой...

Точно через десять минут Коннард, пыхтя, выбрался из-за руля. Несмотря на жесткую диету он был толст и рыхл, и его бледная кожа казалась тонкой, как выветрившийся пергамент.

Пройдя два шага, Коннард опять выругался. Очки с затемнёнными линзами остались под лобовым стеклом.

Пришлось вернуться. Ирена всегда напоминала ему беречь глаза, особенно на ярком солнце. Это было логично, – правый глаз наполовину не видел, поражённый глаукомой, в левом врачи вставили пластиковую линзу взамен хрусталика, уничтоженного катарактой.

Он чувствовал себя старым и больным, а преступники становились все моложе и шустрее.

Кроме смешной парочки, засевшей за стойкой, за столиком у входа скучал одинокий едок. Перед ним стояла рюмка перно и тарелочка с прямоугольным куском мороженого, да ещё и с кремом впридачу. У едока было лицо человека, которому противопоказано сладкое, – настолько кисло и опасноливо тот заглядывал в тарелочку.

За стойкой суетился брюнет средних лет, в колпаке, бородке и фартуке. Он споро разливал какой-то напиток в два бокала.

Травматолог и Святоша с комфортом расположились у стойки.

Перед каждым уже стояло по большой тарелке, полной всякой всячины, – две здоровенные котлеты, – одна побольше, почти красная, другая поменьше, коричневая; жареный рис, куча салата вперемешку с кусочками помидор и кубиками сыра, треугольный пирожок с начинкой и плашка с красной пастой.

Святоша вгрызся в свой пирожок, а Травматолог присматривался к большей котлете, изготовив нож и вилку.

– Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его... – донеслось сквозь тесто.

В помещении пахло пряностями, печёным хлебом и кофе.

Травма замахнулся ножом и оглянулся на звук двери.

– Черт, – сказал он, кладя инструменты. – Венал.

Святоше не надо было объяснять, кто такой Венал, поэтому оборачиваться он не стал и продолжил увлекательное занятие, – пирожок хрустел просто упоительно.

Коннард, которого Травма обозвал по известной в марсельских криминальных кругах кличке Венал, приблизился к парочке, пару секунд обозревал ссутулившиеся под суровым оком закона спины, а потом ласково обнял обоих за плечи.

– Ну что, бастардо, – спросил он. – Что подельваете?

– Обедаем, – буркнул Святоша сквозь пирожок.

Инспектор наклонился и принялся.

– Как вы можете это жрать? – громко спросил он.

– Это что значит? – мгновенно вспыхнул горец за стойкой. – Ты почему...

– Заткнись, – прервал его Травматолог. – Он полицейский. Ему можно.

Человек в фартуке потух, – так же быстро, как и вспыхнул.

– Да я что, я ничего. Как вы насчёт перекусить? Делишес! Мясо ягнёнка, с молодой спаржей! Заведение угощает...

– Жри сам, – невежливо ответил Коннард и, как кукол, развернул партнёров к себе.

– Как делишки у Тёмного? – спросил он.

– Не знаем никакого Тёмного, – хором, как в школе, ответили Травматолог и Святоша.

– Это понятно, – сказал инспектор и больно ткнул пальцем Святоше под солнечное сплетение.

– А куда вы ездили? На воды, в санаторий?

– Именно так, – тихо сказал Святоша, сморщившись. – У меня это... печень больная.

– Будет, -пообещал полицейский тоном лечащего врача.– Если будешь жрать подобный мусор.

Тем же пальцем он указал на тарелку со специалитетом закуской.

– А вы не поделитесь своей диетой? – нахально спросил Травматолог и тут же получил короткий профессиональный удар кулаком в то же место, которым секундой раньше пострадал коллега.

Со стороны могло показаться, что друзья шутят или обсуждают игру Олимпика, приятельски похлопывая друг друга по разным местам. Но Травматолог издал что-то типа «ххх», согнулся пастушьим рожком, и вроде даже застонал.

– Не шути со старшими, – назидательно попросил полицейский.– Не шути со здоровьем, – ни со своим, ни с тем более, чужим. Это неучтиво. У вас в Украине так не принято?

– Я француз, – простонал Травма, держась за живот.– У меня папа коренной марселец.

– Мамаша что, на заработки сюда приехала?

Травматолог сжал зубы и с ненавистью посмотрел в рыхлое обвисшее лицо Коннарда.

– Ладно, Бог с ней, она, наверное, уже ни на что не годится, – оскалился инспектор. – А теперь серьёзно. Куда ездили? Украина?

– В Монпелье, рыбу ловить, – ответил Святоша.– Мсье инспектор, что-то вы нас больно утесняете...

Полицейский кулаком почесал правую ноздрю и задумчиво оглядел коротышку.

– Ладно, гуляйте пока, – разрешил он, и неожиданно развернувшись, пошёл к выходу.

– Вб'ю тебе, сука, – тихо, но так чтобы было слышно у двери, пообещал Травматолог. – Коли-небудь я тебе вб'ю...

Коннарда мало того, что слышал, он еще и понял. Он был женат на русской женщине, а мадам Коннарда в гневе использовала очень энергичные слова.

Он усмехнулся и дернул дверь на себя.

Коннарда ещё не успел дойти до машины, а Святоша уже прижал мобильный телефон к мясистому уху.

– Мсье, – сказал он негромко, косясь на стоявшего столбом бородача в колпаке за стойкой.– На нас тут наехал инспектор Коннарда. Да, тот самый, из городского отдела. Спрашивал про поездку.

Замолчал, потом ответил:

– Он не знает ничего. Ну, почти. Знает, что уезжали, что в Украину. У Травмы руки чешутся его кончить.

Травматолог держался за живот и слушал, двигая желваками. В его лице копилась решимость мстить.

Святоша отключился, поморщился от боли и развернулся к стойке.

– Где наше пошло?! – зарычал он на бородача.

И бросил Травме:

– Темный запрещает его трогать. Говорит, ищет к нему подходы. Не зря же его зовут Венал (Продажный). Говорит, ему через год-другой на пенсию, – тогда и повеселимся.

– Щоб він висрал свою пряму кишку, – мстительно пожелал полицейскому Травматолог.

Он с отвращением посмотрел на свою тарелку.

Инспектор Коннарда ехал к Лету Пен-Мирабо. Выворачивая руль на повороте, он хрипло засмеялся:

– Теперь эти тупицы непонятливые, перед тем, как нападать на людей, сто раз подумают своими куриными мозгами!

Запищал мобильный. Он тут же остановился, прямо посреди улицы, и не обращая внимания на возмущённый хор сирен сзади, достал коробочку с пилюлями, принял одну и аккуратно запил водой из бутылочки.

У него было пониженное давление, и красные таблетки надо было пить строго, каждые шесть часов.

Глава 5

Весть о воскрешении Мореля наделала много шума.

Серьезные французские издания сразу же назвали новость фейковой, и метали громы и молнии в адрес представителей репортерского цеха, уронивших высокое знамя национальной журналистики. Особенно старались консервативные столичные редактора, изливавшие желчь в своих колонках.

Издания поменьше были не столь категоричны. Столь горячая новость, пусть и отдающая желтизной, пахла вкусным жареным мясом для тех, кому заветы Третьей республики были чуть менее важны, чем привычка ежедневно завтракать.

Светлана Донченко постаралась прочесть все, касаемое темы, и вскоре обнаружила первоисточник. Это была статья в «Quartier parisien», где впервые упоминался случай, при котором Мореля якобы видели в аэропорту Буэнос Айреса.

Статью подписал некий Кристофер Ламбер.

Светлана попыталась найти все, что принадлежало автору и печаталось в последние несколько дней. Выяснилось, что журналист разразился целой серией статей, в разных, небольших и независимых изданиях, где разворачивал волну общественного обращения к власти по требованию пролить свет на вопрос- жив Морель или нет. В прессе и на телевидении разгорелась дискуссия- и все больше и больше участников склонялись к необходимости эксгумации.

Официальные лица хранили молчание.

В последнем блоге Кристофер Ламбер писал:

«... «Вначале было тело. Слова появились потом – сперва тело должно родиться, излить из себя семя и умереть, завершив жизненный цикл. Тело принадлежало провинциальному Фредерику, который, приехав в Париж и заснув в огромной неотопливаемой квартире, среди ночи выползает из утробы спального мешка, чтобы согреться хотя бы в ванной. Пока он пытается согреться под душем, кто-то крадетсЯ по комнате, и Фредерик, невероятным образом избегающий удара ножа в стиле «Психо» обнаруживает, что, если бегать голым по подъезду и с бурбонским диалектом требовать тебе помочь, никто почему-то не откроет двери. Тогда он возвращается в выстуженную квартиру, чтобы, толком не увидев Парижа, умереть: ко всему прочему, в кране больше нет горячей воды. Но его убийца ждет его там, во тьме и холоде».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.